

ГОРИЗОНТНАЯ МЕТОДИКА ГУССЕРЛЯ И ОНТОЛОГИЯ СЛЕДА

Н. А. Иванова-Георгиевская

Каждый горизонт можно расспросить в отношении того,
что в нем расположено

Э. Гуссерль

Кто может верить, что он прослеживает какую-то вещь? —
он прослеживает следы

Ж. Деррида

К сущности самого философствования принадлежит необходимость самоопределения, самообоснования философией самой себя. Радикальной попыткой философии выйти к собственным основаниям, преодолевая традиционную парадигму метафизики, основной матрицей которой было “бытие как присутствие”, является метод деконструкции Ж. Деррида. Философ предлагает своеобразный путь к прояснению первоначальных априори, не принадлежащих, как он обнаруживает, грамматике и лексике метафизической концептуальности. Принятая им стратегия включает в себя две операции с концептуальными структурами, позволяющие выйти к этим неформулируемым априорным предпосылкам. Во-первых, это “переворачивание” как преодоление самой структуры иерархии традиционной метафизической бинарной оппозиции [3; 150], а во-вторых, “реконструкция” как восстановление репрессированных последней ресурсов понятий и прививка открытых в результате переворачивания редуцированных предикативных возможностей данной концептуальной структуры к новым привилегированным понятиям перевернутой концептуальной иерархии, что самим Деррида описывается как “прививка со вкраплениями альтернативного дискурса и стратегией оплодотворения” [5; 202] или как “прививка черенка, перехода и сцепления, необходимого для эффективного *вмешательства* в исторически образовавшееся поле” [4; 54]. Деконструкция структур, устанавливающих нормативы текстуальных или дискурсивных практик, призвана открыть нетематизируемые предпосылки, конституирующие философствование.

Деррида неоднократно подчеркивал, что стратегия деконструкции, приводящая к формулированию новых принципов обретения реальностью онтологического статуса, к радикальному обновлению онтико-онтологического различия, форми-

ровалась в процессе размышлений над попытками преодоления традиционной метафизики М. Хайдеггером. Кроме того, важную роль в формировании этого метода могло сыграть, как мне представляется, изучение опыта исследования дискурсивных практик М. Фуко, которого сам Деррида признавал своим действительным учителем. Дискурсивный анализ Фуко различных форм организации речи и действия ориентирован на исследование норм и правил, актуализирующих и выстраивающих отношения между дискурсивными элементами, участвующими в различных стратегиях, что, собственно, должно было вскрыть неявные предпосылки, конституирующие практическую и речевую деятельность как осмысленную. Но, возможно, самым значимым, неким изначальным было влияние на становление стратегии деконструкции феноменологии Гуссерля, переводчиком работ которого Деррида вошел во французскую философию, хотя Деррида целенаправленно преодолевал феноменологию, считая ее создателя, при всей его радикальности, находящимся в плену метафизики присутствия. Последнее может и должно стать темой обширного философского изыскания. Настоящий доклад посвящен рассмотрению некоторых аспектов этого влияния, прежде всего значимости методики горизонтного исследования для формирования принципов грамматиологии, введения *differance*¹ как условия возможности бытия.

Деконструируя метафизические оппозиции, Деррида вводит *differance* как “стратегический знак, который обозначает приостановку присутствия вместе с приостановкой концептуального порядка и обозначения, закрытие, обнаруживающееся в функционировании следов” [3; 125]. Деррида отрицает возможность истолкования *differance* в контексте классической семиологии, в котором знак понимается “как средство репрезентации присутствия” и конституируется “как система (мысли и языка), детерминированная присутствием” [3; 134]. Подвергая сомнению авторитет присутствия как исходной точки смысла бытия (и заодно его симметричной противоположности, вторичного элемента оппозиции – отсутствия), Деррида обнажает кризисность лого-фоноцентрической эпохи, обнаруживая в качестве первоначала, формирующего значение, *письмо*, которое начинает трактоваться не только как физические жесты буквенной инскрипции, вторичные по отношению к устной речи, но и как целостность того, что делает возможной вообще любую инскрипцию [5; 19].

Деррида проникает в первоначальную сферу по отношению к глобальному горизонту гетерогенных дискурсов – в источник любой значимости, чем, собственно, и является *differance*, совмещающее два комплекса значений: неравенство, различие и запаздывание, интервал опространствливания и овременивания, откладывающего на

¹ Неографизм Деррида, созданный от *difference* (фр. – различие) заменой “e” на “a”, что не отражается на звучании слова, но привносит нужные философу дополнительные смыслы процессуальности и задержки в реализации, откладывания на потом, указывая на “письменный” источник смыслообразования.

потом то, что отрицается сейчас (т. е., с одной стороны, неидентичность, а с другой — определенный порядок следования внутри объекта). Некое исходное различие формирует в качестве условия значимости, условия любой оппозиции (в том числе и фундаментальной для традиционной метафизики оппозиции присутствия-отсутствия), источника устной речи и письма в банальном понимании как знака речи и т. п. *письмо*, трактуемое вне деривационного истолкования знака. Знак перестает быть означающим означаемого, существующего вне всяких интерпретаций, ибо существование в качестве присутствующего устранено из сферы первоначальных истоков смысла, *differance* оказывается игрой означающих, в которой знак репрезентирует самого себя [5; 54]. Чтобы быть воспринятым, знак должен быть самотождественным и повторяемым, что в конце концов заставляет его отсылать без конца к самому себе, включающему в свою структуру собственную конечность, без которой тождественность оказалась бы невозможной. Но конечность не может быть объективирована, она оказывается представленной симуляционно, она является как след, который никогда не имел присутствия в настоящем времени. Деррида вводит понятие следа, усмотрев в ницшевских бессознательных силах, определяющих собою сознание, игру различий, а в фрейдовской альтерации бессознательного действие механизма *differance*, когда усилие жизни сохраняет себя посредством откладывания на потом опасного для нее приобретения, конституируя некоторую зону запаса [3; 146], из которой обнаруживают себя следы бессознательного, сплетенного из различий. Хайдеггеровская попытка различения Бытия и форм бытия, забытого метафизикой, также позволяет актуализировать понятие следа: история Бытия начинается как обнаружение настоящего в его присутствии, т. е. с забвения Бытия, в котором обретается его отличие от его форм. Различие как источник различаемого (настоящего и присутствия) остается забытым, “исходный след различия стирает самого себя из того движения, в котором присутствие предстает как бытие-в-качестве-настоящего и находит источник в некотором высшем бытии-в-качестве-настоящего” [3; 153]. Т. е. след вообще не есть присутствие, а только симулякр присутствия, его структуре принадлежит его истирание, только и конституирующее след, ибо, не стираясь, след превратится в неуничтожимую субстанцию, утратив статус следа. След исчезает в самом своем появлении, выходя за пределы самого себя. Присутствие “неприсутствующего” исходного следа различий оказывается существенным смыслообразующим фактором, значимость которого вполне могла быть осознана Деррида в контексте гуссерлевской горизонтной методической процедуры смыслополагания.

Предметный смысл, по Гуссерлю, не может быть представлен в виде готовой данности, он может быть прояснен путем истолкования потенциальных возможностей, интенционально намеченных в актуальном переживании. Каждое актуальное переживание имеет интенциональный горизонт, в котором осуществляются отсылки к потенциальностям осознания [1; 114]. Гуссерль призывает к раскры-

тию внутренне присущих предметам сознания горизонтов, образуемых совокупностью потенциальных форм созерцания данного предмета, и горизонтов, указывающих вовне, на существенные формы взаимосвязей данного предмета с другими, полагаемыми вместе с каждым актуальным переживанием. Это позволяет Гуссерлю проникнуть в анонимную мыслящую жизнь и понять, как в непрерывном потоке сознания могут осознаваться устойчивые предметные единства, как происходит конституирование тождественных предметов: обнаружить “определенные для каждого из многообразных способов осознания синтетические процессы и лежащие еще дальше модусы действия Я, которые делают доступным пониманию то бытие, которое для Я просто полагается, — данное в созерцании или недоступное ему бытие предметного” [1; 118–119]. Предмет постоянно осознается вместе с заранее полагаемым смыслом, имплицитно содержащимся в потенциальных переживаниях сознания, который подлежит осуществлению: полагание должно наполняться актуальными созерцаниями образующих горизонт потенциальностей.

Таким образом, согласно Гуссерлю, полагаемые изначально потенциальности являются неизбежными условиями возможности предметного смысла. Какие-то из них могут никогда в будущем не актуализироваться, среди них есть такие, которые никогда и в прошлом не были актуализированы, то есть часть из них вообще лишена статуса “присутствия в настоящем”. Но процесс становления предметного смысла, как уже было показано, связан с необходимостью выхода за пределы актуальных переживаний к этому многообразному полю потенциальных переживаний, даже лишенных статуса присутствия, выполняющему конститутивную функцию по отношению к предметному смыслу. Если выразить языком грамматики эту гуссерлевскую попытку исследования горизонтной структуры интенциональности, предписывающей феноменологическому анализу указанную методику, мы сможем “прочитать” потенциальные формы созерцания предмета как следы в смысле Деррида. Если нам дана в актуальном созерцании одна сторона игральной кости, а остальные не даны (и еще не были даны, а часть из них могут и в будущем не быть данными), но заранее полагаются как потенциально возможные созерцания, образующие конститутивный горизонт смысла, они участвуют в смыслообразовании в статусе именно этого “неприсутствия актуально”, т. е. “следа”. Передняя часть кости, созерцаемая в актуальном восприятии, осознается в качестве таковой, поскольку есть недоступная в данный момент созерцанию, но возможная в созерцании тыльная ее сторона, отличающаяся от передней. Гуссерль не описывает это исходное различие, являющееся источником смысла каждого отдельного созерцания, но без него не был бы возможным синтез отождествления, признаваемый Гуссерлем в качестве основы связанности способов осознания в одно сознание, в котором конституируется единство интенциональной предметности. Проницательный Деррида, всегда внимательный к тому, что находится *за* обозначенными основаниями и началами, мог сформировать

свою идею *различания* как истока всех установлений, проявляющегося в описанной ранее игре следов, находясь изначально в пределах гуссерлевской постановки трансцендентальной проблемы «пра-начала» (даже пытаюсь преодолеть ее). Только приняв как естественный мир своего собственного размышления горизонтную структуру интенциональности, он мог описать ее основания как мир различий и откладывания на потом. Это предположение не покажется сомнительным, если помнить, что именно в гуссерлевском движении к началу геометрии, позволяющем обнаружить в качестве истока любой фактической истории абсолютное историческое априори, Деррида открывает «изначальное Различие абсолютного Начала» [2; 209].

Литература

1. Гуссерль Э. *Картезианские размышления*. СПб., 1998.
2. Гуссерль Э. *Начало геометрии*. Введение Жака Деррида. М., 1996.
3. Деррида Ж. *Differance* // Гурко Е. *Тексты деконструкции*. Деррида Ж. *Differance*. Томск, 1999.
4. Деррида Ж. *Подпись – событие – контекст* // Дискурс. 1996. №1. С. 39–55.
5. Derrida J. *De la grammatologie*. Paris, 1967.